Воспоминания внука А.С.Игнатенко

Игнатенко Александра Сергеевна
Мастер спорта СССР по туризму;
Инструктор туризма;
Ветеран туризма.

Глава 1. Немного истории

Урожденная графиня Ламздорф-Галаган фон дер Венге. Родилась 23 августа 1906 года в Швейцарии (предположительно в Давосе) в семье графа Сергея Константиновича и Марии Николаевны Ламздорф-Галаган, выехавшей туда для лечения и родов. После завершения лечения (гр. Мария страдала тогда закрытой формой туберкулеза) семья возвратилась в Россию, в свое имение, расположенное в с. Пески, Полтавской губернии.

Отец – Сергей Константинович Ламздоф-Галаган фон дер Венге (1876-1928). граф, Камер-паж, офицер Его Величества Лейб-гвардии Гусарского полка, Гласный (депутат) Киевской городской Думы, Черновицкий Вице-губернатор, Почетный казак Кубанского казачьего войска - старший сын гр. Константина Николаевича Ламздорф-Галагана (род Ламздорфы-Ламбздорфф-Lambsdorpe, рыцари Ливонского ордена ок.13 в.), командира Его Величества Лейб-гвардии Конно-гренадерского полка, генерал-лейтенанта, генерала Свиты и графини Екатерины Павловны Ламздорф-Галаган (ур. гр. Комаровской) (род гр. Комаровские 15 в.; род Галаганы; род Милорадовичи; род Гудовичи), внук гр., ген. лейт. Н.М. Ламздорфа – директора и основателя межевого института, директора Николаевского института, попечителя Императорских богоугодных заведений. Правнук гр. М. Ламздорфа ген. от инфантерии, губернатора Курляндии, воспитателя имп. Александра-I и Николая-I.

Мать – гр. Мария Николаевна Ламздорф – Галаган (ур. Сверчкова). Дочь статского советника Николая Дмитриевича Сверчкова (род Сверчковы – Пешковы – Сабуровы; Салтыковы; Гагарины - В.кн. Рюриковичи 9 в.), предводителя Тетюшинского уездн. Дворянства и гр. Александры Михайловны Мусин – Пушкиной, дочери М.Н. Мусин-Пушкина (род гр. Мусин-Пушкины – Пушкины - Морхиня – Якуновичи 11 в.; род кн. Болховские - В.кн. Рюриковичи 9 в.).

В тот период времени С.К. Ламздорф – Галаган находился в долгосрочном отпуске от военной службы и занимался содержанием **Коллегии П. Галагана*** и развитием владений родителей, общая стоимость которых составляла более 50 млн. золотых рублей *(ист. справка из дневников дяди Сергея Константиновича - министра иностранных дел России В.Н. Ламздорфа)*. Значительная часть дохода от имений направлялась на развитие **Коллегии**. Кроме того, гр. С.К. Ламздорф – Галаган вел большую просветительскую работу (создавал школы и больницы, строил дороги и мн. другое).

Сергей Константинович Родился в 1876 году в С- Петербурге, закончил Пажеский Корпус, в звании Камер-пажа и далее был направлен в на службу в Лейб - гвардии гусарский Его Величества гвардейский полк в чине корнета. Сергей был очень красив, пользовался вниманием женщин, блестяще образован, увлекался поэзией. В воспоминаниях гувернантки его дочерей Терезы Пульсен мы находим его характеристику: "Дело, в том, что граф Ламсдорфф был настоящий русский барин, такой, каким столь блистательно его представляет Толстой. Любезный, щедрый, конечно дорогостоящий по своей природе, и исключительно хороший. У него была очень красивая внешность, был в своей молодости тем, что называем " цветущим мужчиной ", он служил в Охране Императора и его очень любили в Императорском Дворе. Во время первой мировой войны он отдал некоторые надлежащие ему поместья под госпитали. И хоть сами уже жили ни так роскошно, но он оставался по - прежнему щедр к своим близким, к прислуге. Как старший, он унаследовал фамилию Галаган, но судьба не дала возможность ему её продолжить. В браке с Марией Николаевной Сверчковой у них родились три девочки: Екатерина, Варвара и младшая Александра.

В связи с тем, что в соответствии с реляцией имп. Александра-III, титул «Ламздорф-Галаган» передавался только старшему сыну в роду, а в семье были только дочери, Сергей Константинович, обращается к императору с просьбой о передаче права на ношение фамилии Ламздорф-Галаган одному из младших братьев Николаю или Павлу, у которых были сыновья. Николай II очень хорошо зная этот род и его заслуги перед отечеством, ответил на просьбу Реляцией, в соответствии с которой: ***"Отныне все дети семьи Ламсдорф-Галаган фон дер Венге мужского и женского пола по линии гр. Константина Николаевича получают право носить и передавать фамилию и титул Ламсдорф – Галаган».***

****Коллегия П.Галагана:*** *Ее основатель, Григорий Павлович Галаган, родился в Киеве в 1819 г. Он происходил из старинного рода прилуцкого и черниговского полковника Гната Ивановича Галагана. Его отец Павел Григорьевич (1793-1834) и мать Екатерина Васильевна Гудович (1785-1868) обладали огромным количеством земли и крепостных в различных губерниях Украины.*

Г.Галаган окончил юридический факультет Петербургского университета в 1840 г. и поступил на службу в Черниговскую палату государственных имуществ, где прослужил три года. В 1847 г. Г.Галаган женился на Екатерине Васильевне Кочубей, также обладавшей большим числом земли и крепостных.

С осени по апрель Галаганы жили в Киеве, в собственном доме, построенном архитектором И. Штромом на углу Крещатика и Мартыновской (теперь Прорезная). Горячий патриот Украины, Григорий Павлович Галаган собрал большую библиотеку украинских авторов, был близко знаком с Т.Шевченко и Н.Гоголем. Шевченко он помогал материально, сам внес большой вклад в изучение народного песенного творчества, издав целый ряд

этнографических сборников. Галаган был членом основанной в Киеве в 1859 г. общественной организации украинской интеллигенции «Громада», с 1873-го по 1875 г. был председателем Юго-западного отдела Русского географического общества, возглавил проведенную в Киеве этим отделом однодневную перепись населения 2 марта 1874 г. В знак протеста против Эмского указа 18 мая 1876 г., запрещающего издание и распространение литературы, театральных спектаклей на украинском языке, Галаган вышел из состава этой организации. Будучи убежденным народником, активно занимался реализацией Манифеста 1861г., на собственные средства строил школы, больницы и ремесленные училища. С 1883 г. он стал членом Государственного совета по Департаменту законов. В отдельных источниках упоминается о том, что Г.П.Галаган вносил на рассмотрение Государственного Совета проекты закона о придании украинскому языку официального статуса.

15 июля 1853 г. в семье родился их единственный сын Павел. Родители стремились привить Павлу интерес к литературе, народному творчеству, точным наукам. В детстве Павел говорил только на украинском языке, носил крестьянскую одежду. Репетитором и наставником Павла стал выпускник медицинского факультета Университета св. Владимира, в будущем профессор-психиатр, ***Иван Алексеевич Сикорский*** *(отец выдающегося авиаконструктора Игоря Ивановича Сикорского).*

Их сын получил домашнее образование - точные науки преподавал адъюнкт математики Петербургского университета ***Федор Васильевич Чижов****, который, по отзыву современников, «принадлежал к лучшим людям сороковых годов». Однако Павел внезапно заболел и 27 апреля 1869 г. умер в селе Сокиренцы, где и был похоронен. Для Григория Павловича и Екатерины Васильевны, которые на старости остались одни, потеря была очень тяжелой. В память о своем столь рано ушедшем сыне, родители решили основать учебное заведение для талантливых детей из малообеспеченных семей - Коллегию. Коллегия имела целью дать определенному количеству молодых людей подготовительную образование в университет и способствовать развитию педагогического дела.*

15 мая 1869 г. в письме М.Юзефовичу Галаган направил для рассмотрения проект создания общеобразовательного учебного заведения закрытого типа для мальчиков 14-16 лет. В обсуждении этого проекта приняли участие известные киевские педагоги, представители украинской интеллигенции. Докладная записка «О намерении пожертвовать капитал для основания общеобразовательного заведения» поступила генерал-губернатору князю А.Дондукову-Корсакову, о чем последний доложил 4 августа 1869 г. императору Александру II. Г.Галаган разработал устав, определивший:

цель коллегии - «приготовлять молодых людей к университету»;

«должны приниматься юноши с недостаточными материальными средствами, разных сословий и уроженцы различных местностей России, но обязательно православного вероисповедания; коллегия должна содержать и заботиться о воспитанниках и после того, как они закончив учебу, поступят в университет.»;

Г.Галаган выкупил два стоящих рядом, огромных киевских особняка, а также выделил 13 тыс. дес. земли (т.е. доход с нее). «на расширение деятельности коллегии в будущем». В итоге, учебное заведение было размещено в 5 зданиях (включая дом для учителей и воспитателей) на Фундуклеевской улице (ныне — Богдана Хмельницкого), реконструированных в 1870 году архитектором А. Я. Шиле.

27 марта 1870 г. Александр II утвердил устав. В рескрипте на имя Галагана император писал: «Принимаю с особым удовольствием Ваше пожертвование и, дозволяя, согласно Вашему желанию, наименовать предполагаемое вами учебное заведение в память вашего сына - Коллегией Павла Галагана, я сердечно желаю, чтобы вам дано было найти в чужих, благодетельствуемых вами детях то утешение, которое по воле Промысла вы лишились в собственном вашем сыне».

Коллегия очень скоро завоевала авторитет среди учебных заведений Юго-западного края, ее посещали педагоги Киева, высокие чины власти, друзья Галагана. 27 ноября 1871 г. в коллегию приехала императрица Мария Александровна с сыновьями Павлом и Сергеем.

Тяжело заболев, Григорий Павлович оставил завещание, подтвердившее все материальные права коллегии. Попечительницей он назначил свою жену Екатерину Васильевну Кочубей-Галаган (1826 - 1.XI.1896). Григорий Павлович Галаган скончался 25 сентября 1888 г. в родовом имении в с.Сокиренцы Прилукского уезда Полтавской губернии.

22 декабря 1888 г. Александр III издал распоряжение о присвоении звания почетной попечительницы Екатерине Васильевне Галаган, а ее помощником назначил генерал-лейтенанта графа Константина Николаевича Ламсдорфа. После смерти Е.Галаган, для сохранения исторической фамилии и дальнейшего развития проектов семьи Галаган, графу К.Н. Ламсдорфу была присвоена фамилия Ламсдорф-Галаган, т.к. он был женат на дочери родной сестры Григория Павловича Галагана - Марии Павловны - Екатерине Павловне Комаровской.

Всю историю своего существования, Коллегия бережно передавалась от предков - потомкам. И каждый из них преумножал и развивал ее. После смерти К.Н. Ламсдорф-Галагана в 1900 г. почетным попечителем коллегии стал его старший сын граф Сергей Константинович Ламсдорф-Галаган. Под попечением Сергея Константиновича было открыто Санкт-Петербуржское отделение Коллегии, а сама Коллегия просуществовала более 17лет, до середины 1918-го года.

Единовременно в учебном заведении училось 30 стипендиатов и 40 – 50 учеников за родительский счет. При учебном заведении было создано: природоведческий музей, физические лаборатории, библиотека, работала больница, столовая, спортивный зал. Директорами Коллегии были выдающиеся ученые и педагоги: поэт, драматург и критик ***И. Ф. Анненский****; педагог и писатель* ***Н.С.Шавранов;*** *украинский педагог* ***И.И. Нечипоренко;*** *публицист и педагог* ***А.И. Дудка-Степанович;*** *математик и педагог* ***З.А. Архимович****; историк и педагог* ***П.А.Конский.***

Непосредственный научный надзор за коллегией осуществлял Киевский университет.

Ф.Брокгауз и И.Ефрон описали уклад жизни Коллегии следующим образом: "В системе воспитания в Коллегии семейное начало господствует над школьными дисциплинарными правилами. Воспитатели в то же время и учителя. Непосредственное заведование К. принадлежит правлению, с директором во главе, а высший надзор за учебной и хозяйственной частью — особому совету из 4 профессоров университета, директора, 2 воспитателей и нескольких представителей от города."

В заведении была хорошо поставлена учебная работа, проводились опыты по физике, химии, практиковалось написание рефератов, организовывались литературно-музыкальные вечера, экскурсии. Излагались столярное и токарное дела. Здесь изучали русский язык и литературу, Закон Божий, общую историю, греческий, латинский, французский, немецкий языки, рисование, черчение, географию, космографию, физику, алгебру, геометрию, тригонометрию. При этом от учеников требовали напряженной аналитической работы, применяя методы, которые мы сейчас называем интенсивными. Информационно насыщенные лекции дополнялись самостоятельными письменными работами.

В то время это было едва ли не единственное учебное заведение, в котором звучала украинская речь. Классных журналов здесь никогда не было, хотя учащимся выставляли оценки за четверть и за год. В классах училось по 10-12 учеников и преподаватель прекрасно знал возможности каждого. Много внимания уделялось общему развитию воспитанников. Между учителями и учениками устанавливалось доверительное, дружеское общение. В 1879-1890 рр. ученики выпускали журнал "Слово", образовали историко-литературное общество, на заседаниях которого читали и обсуждали рефераты разнообразного содержания. Коллегия выдавала свой "Ежегодник" и периодический сборник "Педагогическая мысль". Выпускники коллегии получали прочные знания и поступали в Киевский университет Св. Владимира, Санкт-Петербуржский или Московский университеты.

В Коллегии работали академики живописи ***М. К. Пимоненко и М. И. Мурашко****. В 1886 году в часовне при коллегии* ***И. Я Франко*** *венчался с* ***О. Хоружинской*** *(сестрой жены директора Коллегии).*

В разное время здесь учились: академики ***В. И. Липский*** *и* ***А.А. Богомолец,*** *русский и советский юрист* ***В. Э. Грабарь****, (брат художника И.Э.Грабаря), украинский поэт-неоклассик,переводчик, литературовед, учёный-славяновед* ***М.А.Драй-Хмара,*** *сенатор, товарищ министра юстиции в 1913—1917 гг.* ***И. Е. Ильяшенко,*** *украинский советский психолог действительный член АПН СССР* ***Г. С. Костюк,*** *русский общественный деятель и политик, член III Государственной думы от Черниговской губернии* ***Л. В. Кочубей,*** *первый советский прокурор, народный комиссар юстиции РСФСР, прокурор РСФСР* ***Д. И. Курский,*** *украинский общественный и политический деятель. Первый президент УНР* ***А. Н. Ливицкий,*** *ученый, историк права, доктор права член-корреспондент Всеукраинской академии наук (ВУАН) Украинской ССР*

Н. А. Максимейко, *учёный, педагогический деятель* ***С. П. Моравский,*** *филолог* ***А. Ю. Крымский****, публицист, педагог и славяновед* ***А. И. Степович,*** *российский историк литературы* ***Н. А. Котляревский****, поэт, переводчик, писатель и историк литературы* ***П. П. Филипович,*** *украинский этнограф* ***А. С. Чужбинский,*** *офтальмолог, профессор Киевского университета. Первым в мире осуществил пересадку переднего отдела глазного яблока* ***А. Ф. Шимановский*** *и многие другие известные деятели науки и культуры.*

Глава 2. Семья

Александра Ламздорф – Галаган, а в семье ее все ласково называли Леся, была младшей (третьей) дочерью. Старшая сестра – Екатерина, была на пять лет, а средняя Варвара, на два года старше ее. Дети получали добротное начальное домашнее образование. Для этого в семье постоянно работали гувернеры. У Александры, была няня *(предположительно и кормилица),* т.к. мать, страдавшая туберкулезом, не могла выкармливать ее грудным молоком. Вскоре няня Евдокия стала основной, а за тем и единственной няней всех трех сестер - доверенным лицом родителей, надежным другом и советчиком девочек.

Семья была дружной. Отец и мать нежно любили друг друга и души не чаяли в дочерях. Мария Николаевна и Сергей Константинович составляли очень красивую пару. Несмотря на то, что замечательная внешность Сергея и его должностная близость ко Двору периодически внушала Марии Николаевне обоснованные опасения, но к слухам о его пылких влюбленностях она относилась мудро и снисходительно.

Ни семьей, ни Двором еще не была предана полному забвению былая, вполне заслуженная репутация Сергея Константиновича, как блистательного придворного сердцееда. Один только пылкий роман с Великой Княжной Еленой Владимировной, уже предназначенной и в последствии, все же ставшей королевой Греции. Случай этот наделал много шума при Дворе и принес не мало хлопот семье.

Из воспоминаний г-жи Терезы Пульсен (гувернантки девочек): "Во время Масленичной Недели, он принимал участие в дворцовом празднике. После праздничного обеда с блинами, он организовал катание на санях. Они сели с Великой Княжной в маленькие сани вдвоем, а за тем отделились от общества и надолго уехали кататься к островам. Долго катались, болтали и развлекались. Отсутствовали они весь вечер и ночь. Разразился скандал, дошедший до самого высокого уровня. За эту шалость с наследной Княжной, Сергей Константинович был строго осужден. Его матери приказали вместе с сыном исчезнуть из Петербурга на некоторое время. Она срочно увезла его в Карлсбад. Но однажды на прогулке, он встречает Марию Павловну, супругу Великого Князя Владимира, с его дочерью Еленой. Дружеские приветствия, и

последовавшие за ними несколько недель встреч. В течение которых оба молодых человека вместе гуляют и развлекаются, чем очень восхищаются остальные курортники, называющие их восхитительной парой. Он в течение всей жизни, сохранил свою склонность к прекрасному полу: он часто вспоминал о своих былых увлечениях, о которых он простодушно вспоминал с его женой. "Остерегайтесь," - сказала мне однажды графиня в Давосе, когда она меня привлекала к работе, он непременно будет пробовать за Вами ухаживать! » Я ответила, что я не позволю себя брать туда. Граф обладал кроме того очень реальным поэтическим талантом, и составил серию поэм, в которых больше или меньше преуспевал, и которые он нам иногда читал. Он очень радовался, если его поэзия нравилась аудитории."

Семья достаточно часто перемещалась с места на место. Так как Сергей Константинович совмещал службу в полку с управлением имениями и обширной общественной деятельностью, жили поочередно то в Петербуржской квартире, то в своем имении в Песках, то на своей даче близ села Галочка. При этом, часто совершались дальние поездки на курорты Швейцарии и др. страны Европы, необходимые для поддержания здоровья Марии Николаевны. Александра еще вспоминала, что была какая-то дача в Гатчине.

Воспитание в семье было относительно строгим. Все дети имели свои обязанности. Так, например Александра (любимица отца), обожавшая собак, к семилетию получила в подарок собственную псарню из двенадцати собак, выписанных из лучших мировых питомников. В ее свору входили: пара немецких догов, пара сенбернаров, пара фокстерьеров, пара такс, пара ирландских сеттеров и пара русских борзых. Несмотря на столь шикарный и, казалось бы, не по возрасту серьезный подарок, обязательным условием существования псарни был ее личный ежедневный уход за своим хозяйством и личное кормление и выгуливание своих питомцев. Все собаки были привезены еще щенками, выращены ею, а потому, слушались свою юную хозяйку беспрекословно. При этом, она очень хорошо понимала, что любовь отца не слепа. И если она позволит себе пренебречь обязанностями хозяйки, то может лишиться псарни также легко, как и получила.

А любовь отца к ней, была действительно огромна. Она была последним ребенком. Мария Николаевна, в силу своей болезни, более не могла иметь детей. И соответственно, Сергей Константинович уже не мог мечтать о наследнике. Поэтому любимицы распределились как-то сами собой. Бабушка Екатерина Павловна избрала себе старшую Екатерину. Она так и говорила: "Катрия, будет поэтессой. Варвара? Не знаю... А Леся, собачницей!". Варя, как самый болезненный и проблемный ребенок, конечно досталась матери. Александра же, была любимицей отца. Она очень не плохо, для своих лет, держалась в женском седле. Он даже частенько брал ее с собой на охоту.

Не обходилось и без строгостей. Так однажды младшие Варвара и Александра, по малолетству, не будучи допущенные до участия в бале, который давала семья, сильно обиделись. Пробравшись в обеденную залу, сестры сняли приборы, закуски и скатерти, и выложили все в том же порядке на полу… Гости, и особенно хозяева, были «в восторге». Как вспоминала

бабушка, пороты за это они были лично отцом: «до поросячьего визга»… Но это, видимо, был единственный случай столь радикального воспитания в семье.

Шутили друг над другом много. Как-то старшие сестры Екатерина и Варвара, взяли кружку и надоили у большой доброй дворовой щенной суки молока, подменили положенную вечернюю чашку коровьего и дали его Александре. Та выпила с удовольствием и потребовала еще. Сука добавку давать отказалась. Пришлось принести коровьего. Но его отказалась пить Александра, потребовав такого же как было! Поднялась суматоха, в результате которой сестры признались в подмене.

Иногда шалости принимали и небезопасный оборот. Однажды на Рождество, к ним в имение приехали двоюродные братья и сестры. Среди них был братец, бывший на два года старше Александры. Он не разделял шалостей и «живости характеров» сестер, постоянно ябедничал на них, выдавал их детские тайны и пр. Ну, и решили Александра с сестрой Варварой над ним пошутить: рассказали «добрые» сестрички братцу, что если в ночь пред Рождеством съесть три жменьки (жмень - украинская народная мера объема, который умещается в не плотно сжатой ладони - *прим. авт.*), освященной святой водой соломы, и трижды прочитать «Отче Наш…», то на утро проснешься Святым… Братец долго мучился, но отведенную порцию соломы съел и молитву прочитал. На утро, «новоявленным святым» занимались доктора, бабки и няньки. К счастью все обошлось, но Рождественский вечер у сестер, естественно был сильно испорчен...

Как-то Леся выкупила у местных ребят за несколько копеек, щенка - ублюдка. Они несли топить его на пруд (ублюдок - нежелательная смесь собак разных пород). Щенка поместила в свою псарню. Выкармливала и выхаживала его сама. Плюм, так назвали щенка, вырос сильным и самым преданным псом из всей своры. Получилось этакое огромное, величиной с сеттера, криволапое, как у таксы, лохматое и забавное «чудовище» с большими висячими ушами. Из воспоминаний А.С.: «Однажды, когда она гуляла со своими собаками в окрестностях усадьбы, из леса выскочила огромная бешеная собака. Разбежались и немецкие доги, и борзые, и сенбернары и прислуга. Собака, капая слюной, рыча и клацая зубами, пошла на меня. А Плюм остался рядом. Шерсть его встала дыбом, он дрожал всем телом, мы прижались с ним друг к другу. Он встал между мною и собакой, закрывая меня собой. Когда собака приблизилась, он бросился на нее, ухватил зубами за горло и задушил. Когда все стихло, я бросилась к нему, но он неожиданно оскалился, зарычал, не подпустил меня к себе и убежал в лес.

Вернулся он через три месяца. Худющий, слабый, но здоровый. Плюма проверили, откормили, и ему единственному было позволено заходить в дом и спать у моей постели. От меня он всегда носил на шее бант.

А еще, мне было очень удобно сморкаться в его огромные висячие уши – но он не обижался».

Отец много работал: предметом забот были и Коллегия П.Галагана, и обширные владения, сахарные и конные заводы, обширная общественная деятельность в Киевской думе, судебная деятельность в губернском Суде и мн. другие заботы и обязанности. Но дочерям, при этом, уделялось очень много внимания. Он занимался с ними, приучал к труду на производствах и сельских угодьях, иногда брал с собою в разъезды по имениям.

Из воспоминаний А.С.: «Он обладал огромной физической силой. Мы очень любили втроем висеть и раскачиваться на его вытянутой руке. Как-то, на наших глазах, он на скаку остановил понесшую тройку лошадей. Когда отец был в отпуске после первого ранения, ночью в имении раздался набат. Горела изба солдатки, накануне получившей похоронку на мужа. Отец выскочил из дома в одном белье и помчался на пожар. Хозяйство выгорело полностью. С пожара он привез солдатку и двух ее детей. Нас (трех дочерей), из своих комнат перевели в одну. Две освободившиеся отдали солдатке и ее детям. На утро, отец вызвал управляющего и приказал: «К осени поставить избу «как положено», двор и хозяйство укомплектовать скотиной, птицей и всем скарбом «как и дОлжно», с наших заводов и ферм! - Приеду, проверю, а до этого будут жить в имении с общим столом. *(«как дОлжно», это означало пара лошадей, пара коров (одна дойная с телкой), выводок свиней и пр. мелкий скот и птица.)* Отец сразу очень просто и доходчиво объяснил нам, что мы должны окружить семью героя, отдавшего жизнь за Родину, заботой хоть как-то помочь им и насколько это возможно, смягчить горе, постигшее их. За те месяцы что они у нас жили, мы сильно сдружились с детьми».

В 1914-м году, с началом первой мировой войны, отец был вызван в полк и направлен на фронт. Судя по рассказам, был дважды ранен и приезжал в отпуск на долечивание. После ранений он занимал должность Черновицкого военного вице-губернатора. 1917-й год застал отца в госпитале, а семью в полтавских имениях с умирающей от туберкулеза матерью. В 1918-м Мария Николаевна умерла, территория Украины стала ареной гражданской войны, следы отца и старшей сестры Екатерины затерялись.

По воспоминаниям А.С.: «Отец уехал со старшей сестрой за границу обустроиться, а Варвара и я остались в имении. Но больше мы его не видели».

В ее словах при этих воспоминаниях, всегда было очень много горечи и обиды на отца. Она искренне ощущала себя брошенной им. И унесла эту незаслуженную обиду с собою навсегда. Но, документы, которые я получил лишь почти сто лет спустя, позволяют восстановить истинную историческую картину и говорят о том, что видение тех событий одиннадцатилетней девочкой, все же было не совсем верным. Отец не бросал семью. Мария Николаевна, как и многие дворянские жены, работала начальником и сестрой милосердия созданного целиком на ее средства фронтового санитарного отряда (отряд назывался - санитарный поезд состоял из переносного прифронтового госпиталя и подразделения санитарных автомобилей и повозок, а также госпитального ж.д. состава),. К работе в отряде привлекались и все дочери. Однако в 1917 году, у Марии Николаевны началось обострение туберкулеза (пошло кровотечение). Она была вынуждена вернуться в имение и затем,

вместе со старшей дочерью Екатериной, срочно переехала на лечение в Пятигорск. Практически сразу по приезду, в 1918 г., Мария Николаевна скончалась от открывшегося кровотечения.

Средняя Варвара и младшая Александра некоторое время оставались в имении. Но опасаясь за жизнь, вместе с няней и бабушкой Александрой Михайловной (мамой Марии Николаевны) решили на время укрыться в ее казанских имениях. Сергей Константинович, приехавший в Пески как раз в период нахождения девочек в Казани, не мог там оставаться из-за преследований чекистами. Не имея связи с младшими дочерями, он забрал с собою старшую дочь Екатерину и срочно уехал на фронт, в офицерский полк кубанской казачьей дивизии. Предварительно, он передал своему другу – крестному Александры, священнику - отцу Григорию, тридцать тысяч рублей золотом и свои примерные координаты, на тот случай, когда оставшаяся семья вернется в имение. Информацию о том, что надо обратиться к отцу Григорию он оставил у кого-то из работников усадьбы. Но его поручение не было исполнено – семья указаний не получила и осталась в полном неведении как относительно его распоряжений, так и подготовленной им помощи.

*****Из воспоминаний кн. Николая Жевахова:*** *«…о графе же Сергии Константиновиче Ламздорф-Галагане скажу теперь. По выходе из больницы Покровского монастыря граф некоторое время проживал в Киеве, будучи вынужден, как и все прочие, скрывать свое местожительство и каждую ночь проводить где-либо в другом месте. Под конец он все же был схвачен агентами чрезвычайки и приговорен к расстрелу. Подведя его к стенке, чекисты предъявили графу мою фотографическую карточку и требовали указания моего адреса. Благородный граф категорически заявил, что гвардия Его Императорского Величества предательства не допускала и смерти никогда не боялась. Такой ответ, произнесенный в резкой форме, ошеломил большевиков и... они отсрочили казнь. О судьбе графа узнали его друзья, между которыми были представители простого класса, интересы которого всегда были близки графу, бывшему народником в лучшем смысле этого слова и пользовавшемуся чрезвычайной популярностью среди простого класса населения. В результате их заступничества чекисты не посмели тронуть графа и выпустили его на свободу.»*

Прим:
О деятельности Сергея Константиновича в белом движении, данных практически нет. Известно лишь то, что он воевал в составе кубанской казачьей дивизии и эмигрировал в Сербию, пароходом из Новороссийска в 1919 году, вместе с братьями и старшей дочерью Екатериной. Далее, он жил в Сербии, активно участвовал в белоэмигрантском движении и погиб в 1928 году.
Старшая дочь Екатерина в последствии вышла за муж за Николая Дворжицкого (в последствии, начальника канцелярии дома Романовых в

Париже). Но эта супружеская пара не смогла оставить наследников, вследствие болезни Екатерины.

В начале 1918 года, по приезду в Казань, младшие дочери, оказались уже в полностью разграбленных имениях. На них впервые обрушился голод. Бабушка Екатерина Михайловна, не выдержав потрясения и голода, вскоре скончалась. Втроем с няней, они отправились в обратный путь. До своего имения Пески, добирались несколько месяцев, голодая и изнашивая последнюю одежду. Но и в имении, оставаться долго они уже не могли. Это становилось уже не безопасно для детей. Власть постоянно менялась. В этот период, отношение местных жителей, уже подвергшихся воздействию идей всевозможных властей, к маленьким владельцам усадьбы сильно переменилось. Идеи «отобрать и поделить», уже превалировали в сознании людей. Былое уважение и признательность за былую заботу и помощь, в условиях гражданской войны, начинающейся разрухи и приближающегося голода, переросли в ненависть ко всем без исключения представителям старого строя. По территории России и Украины уже перекатывались, сменяя друг друга, волны: белых, красных и зеленых армий. И ни от кого из них ждать добра уже не приходилось. Единственным человеком, который в это время оказывал девочкам помощь, был друг семьи, местный сельский врач - Лазарь Рувимович Казаков. Но и он, мог лишь немного помочь, но не защитить.

В один из дней, кто-то из местных жителей, тайно сочувствующий семье, сообщил няне, что на имение готовится набег и разграбление. Тогда решили срочно ехать к крестному Александры, тому самому священнику – отцу Григорию, (как я уже писал, близкому другу и соратнику отца), получившему к этому времени новый приход, где-то в Поволжье. С собой взяли лишь то, что смогли унести. У девочек, привыкших менять платья по нескольку раз в день, уже не было ни выбора платьев, ни даже обуви. Бывший кучер, подсказал няне срезать с коляски кожу, и та наспех скроила из нее какое-то подобие обуви. Так, в чем были и поехали. Точнее, пошли. Переезд к крестному казался тогда самым правильным и спасительным для них решением. Поехали втроем - няня, Варвара и Александра. Добирались, на чем попало, как попало и совсем не по прямой, иногда останавливаясь и перебиваясь случайными заработками. Когда добрались до Прихода крестного, узнали новую горькую новость - крестный умер. О деньгах, переданных для них отцом, они конечно ничего не знали, а попадья их просто присвоила...

Какое-то время приживались у попадьи и помогали по хозяйству. Но в доме с попадьей, бывшей полной противоположностью мужа, не прижились и отправились искать поденную работу.

Из воспоминаний Александры: «…кормили нас отдельно, тем, что оставалось от стола, а работали мы вместе со всей семьей, на равных. На работу в поле, попадья с дочками ехала на телеге, а мы как собачки, глотая пыль, поднятую телегой, бежали за ними. Я бежала и захлебывалась от слез. Душила обида. Душило жгучее, уничтожающее меня ощущение унижения. А ведь этих людей мы когда-то считали очень близкими. Они были дорогими гостями в нашей семье. И за нашим столом им всегда отводилось почетное место. И это

не был внутренний протест избалованного когда-то барского ребенка. Ведь благодаря воспитанию отца, мы умели работать, а пребывание в санитарном поезде матери, в какой-то степени, подготовило нас к восприятию реальной жизни. Более всего давило ощущение себя бесправной приживалкой, тем более, что так нас не унижали даже когда мы по дороге перебивались поденными работами. Я тогда еще не понимала, что «бывшая», это уже навсегда и мне предстоит с этим жить и научиться быть сильнее всего этого. Тогда же во мне пошатнулась и вера в Бога. Попадья вела себя явно не по божески. Не только по отношению к нам, но и вообще. Крестилась и молилась она только при чужих людях, просвирки и куличи, предназначенные для церковной службы, месила неопрятно, в пыли и грязи, и пекла наспех, накрывала грязными тряпицами, складывая на полу и всегда презрительно приговаривая: "там (в церкви *прим. авт.*) освятятся...". Я никак не могла понять как, каким образом, такой большой могущественный и добрый Бог, мог забрать такого замечательного человека как отец Григорий, и оставить на свете такого мерзкого человека, как попадья.» И это она еще не знала, что виной их скитаний и мучений, была именно эта самая попадья, укравшая их деньги… (прим. автора)

«Варваре было тяжелее чем мне. Во-первых, она все же была графиней в большей степени чем я. Ее воспитывали быть ею четырнадцать лет, а меня только одиннадцать. В семнадцатом году она была уже почти девушкой, а я еще почти ребенком. Во-вторых, Варвара уже тогда отличалась достаточно слабым здоровьем. В последствии, мы узнали что она все же унаследовала мамин туберкулез. И самое главное, Варвара была категорически эксцентрична и не сдержана. Однообразный полевой труд раздражал и бесил ее, и сказать честно, работник она была не лучший.

Но более всего, мы обе переживали за няню. Никогда и никто, в нашей семье, не смел даже повысить на нее голос. Она была всеми любима и уважаема, равно как и мы были обожаемы ею. Даже Варвара, отличавшаяся некоторой холодностью, непостоянством характера и своеволием, подчинялась няничке беспрекословно и также искренне любила ее (они звали ее и писали ей в своих нежных письмах и открытках именно "няничка", через "и", как это было принято в украинском языке. *прим. авт.*). Именно отношение попадьи и ее дочерей к няне, стало последней каплей нашего терпения. Если откровенно грубить и хамить нам с Варей, попадья и ее дочери себе не позволяли, то все хамство на которое они были способны, в скором времени, было обращено к ней. Узнали мы об этом не сразу, а только став случайными свидетелями одной из омерзительных и многочисленных, как мы потом узнали, сцен. Оказалось, что няня уже давно сносила тычки, оскорбления и унижения ради нас. Узнав обо всем мы незамедлительно сообщили попадье, что очень благодарны за приют и уезжаем…»

Александра с Варварой и няней продолжали кочевать, в поисках работы и пропитания. Снова дошли до Волги. Там было относительно спокойнее. Девочки поденно работали на полях, а няня на засолке воблы. За засолку воблы платили, по тем временам и меркам, не плохо, но и не зря... Долго такую работу выдерживали не многие. Соль достаточно быстро разъедала руки работников -

кожа трескалась и образовывались глубокие, долго не заживающие, приносящие сильнейшую боль раны.

Однако, волны гражданской войны докатились и до Волги. Снова и снова находили и теряли работу. Временами голодали. В тринадцать лет Александра освоила работу медсестры и работала в каком-то, то ли в госпитале, то ли в лазарете. «Красным», «белым» или «зеленым» был этот госпиталь, не известно. Во всяком случае, она об этом никогда не рассказывала. К четырнадцати годам, врач стал обучать ее на операционную сестру. При этом, он имел весьма своеобразную привычку воспитывать подчиненных. Рассердившись за какую-либо провинность или малейшую ошибку во время операции, ругался безбожно, бил по рукам, а иногда бросал операцию и заставлял четырнадцатилетнюю девчонку делать все за него. А при относительно "простых операциях", типа ампутации конечностей, мог вообще уйти пить водку или заниматься другими пациентами… И никакие призывы и мольбы о помощи, как от новоявленного "хирурга", так и от пациентов, результата не имели.

Из воспоминаний А.С.: "Сказать по правде, старик (врач) ни с кем другим так не поступал, а вне работы относился ко мне очень хорошо. Да и то, чему не учил, делать не давал. Варвара и няня работали при госпитале по хозяйству - стирали белье и помогали на кухне. А его наука, хоть и преподанная столь жестоко, мне потом в жизни очень даже пригодилась. Просто в жестокие времена, нельзя учить по иному."

Там же в госпитале Александра заболела тифом. Там же и вылечили. После того, как госпиталь то ли закрылся, то ли разбежался, двинулись от войны обратно на Запад. Снова работали поденно, но в итоге, пошли к «кулакам» (зажиточным крестьянам *прим. авт.*) в батрачество.

К исходу гражданской войны, испытав на себе все виды и способы прихода и ухода всех видов властей, Александра вспоминала это время как спасительное. Отношение к работникам было «по труду»: плохих гнали, хороших привечали и ими дорожили. Стол и кров был общий с хозяевами, Александра работала в поле, а няне давали работу по дому, с которой та превосходно справлялась. Работать в поле было конечно тяжело, но отношение других работниц и дочерей хозяина, было хорошее. Работали и жили дружно. Александре всегда было тяжело переносить жару. Видимо сказывался врожденный порок сердца (недостаточность метрального клапана), о котором она тогда и не догадывалась, перенесенный недавно тиф и конечно недоедание последнего времени. Поэтому к середине дня, когда зной был наиболее сильным, на прополке грядок, Леся начинала сильно отставать от других. И в это время, сельские девушки, с детства привычные к такому труду, по очереди начинали ей "перемогать". "Перемочь" означало перейти со своей грядки на соседнюю и обработать некоторую часть за отстающего. К вечеру, когда начинали уставать сельские девушки, Леся восстанавливала силы и перемогала им. Так и помогали друг дружке. Однако хорошее питание и доброе отношение достаточно быстро восстановили силы всех членов семьи и Леся достаточно быстро стала одной из лучших работниц. В качестве первой премии за труд,

хозяин подарил Александре яловые сапоги, а няне и Варваре отрезы материи на платье… Значительно улучшилось и самочувствие Варвары. Несмотря на то, что полевой работник из нее был совсем не важный, ей хватало работы по хозяйству и даже появилась возможность вспомнить и серьезно задуматься о своей давнишней мечте. А мечтала она о судьбе актрисы. В отличие от сестры, у Александры никакой мечты не было. К пятнадцатому году жизни, ей пришлось быстро повзрослеть и научиться делать любую работу чтобы просто жить.

Из воспоминаний А.С.: «Понимаете, сапоги, а тем более яловые, тогда это было как пропуск в «большой свет». Человек в хорошей обуви, это был уже Человек, а в яловых сапогах, это был серьезный человек!»

Хозяин долго к ней присматривался, а за тем, по праздникам, начал одаривать необычными подарками. Сначала к Рождеству ей был подарен выводок цыплят. После того, как выводок подрос без потерь, на Пасху были пожалованы утята. Вскоре, в хозяйском хлеву была сделана выгородка для «Лесиного хозяйства», а затем последовательно были добавлены гусята, козленок, поросенок и телка. Хозяйство росло. В один из праздничных дней, хозяин взял Александру (точнее уже давно просто Лесю) и повел на сельский сход. Там он представил ее сообществу: «Вот люди, представляю Вам свою работницу Лесю. Девка молодая, но работает у меня уже с год. Работает справно. Я ей живность на хозяйство выделял – никого не потеряла и не уморила. Приплод получила и свое хозяйство держит. Не гоже такой хозяйке в батраках пребывать. Землица свободная у нас есть. Предлагаю ей надел нарезать, да дом миром поставить. За то, что расплатится, поручусь». Сельский сход предложение поддержал, но сбыться всему этому было уже не суждено.

Возможно, и стала бы Александра Сергеевна хорошей крепкой селянкой, но все это происходило в начале двадцатых годов, когда началась "продразверстка" (изъятие т.н. крестьянских излишков) и борьба с кулаками - "мироедами"... "Излишки" так и не накормили голодную страну, оставив страну без посевного фонда, а кулаки попали в сибирские лагеря.

И снова двинулись на Запад. Решили рискнуть и съездить в родное имение, и посмотреть что из осталось. Не покидала и надежда узнать что-то об отце и старшей сестре Екатерине. По приезду в Пески обнаружили сохранившуюся, но совершенно разграбленную усадьбу. Мелкую утварь частично сохранили и тайком вернули бывшие «дворовые работники». Заехали и в главную родовую усадьбу – Сокиренцы. Тогда же узнали что в Лохвицы вернулся и расспрашивал об их судьбе старый друг семьи - доктор Казаков. Отыскали доктора. При его помощи выяснилось, что их разыскивают друзья семьи, которым когда-то давали приют и спасали от погромов, и преследований их родители. Эти самые друзья, спасшие в восемнадцатом году их отца от расстрела, и ставшие теперь весьма влиятельными и высокопоставленными работниками новой власти в Москве. Переехать в Москву помог тот же доктор Казаков.

В итоге, как и кем из высокопоставленных большевиков это было сделано, не известно, но Александра с няней оказались в Москве. Главная

проблема теперь встала с образованием. Первичное семейно - гувернерское образование было растеряно. Говорила и писала на украинском, могла на французском, а в каждом русском слове делала по несколько ошибок. Единственным внешним признаком, выдававшим «человека не из простого народа», на всю жизнь, с нею осталось очаровательное грассирование – видимо следствие раннего обучения французскому языку. Друзья, не знавшие истинной причины ее «картавости», часто посмеивались над этим.

В Москве она сначала работала служанкой в семье какого-то профессора. Затем пошла учиться на рабфак *(т.н. рабочий факультет, дававший возможность доучиться по программе школы и подготовиться к поступлению в институт)* и поступила на гребеночную фабрику упаковщицей. В середине двадцатых, закончила рабфак и поступила на географический факультет педагогического института. Подвела фамилия… Как ни как, а двоюродная внучка министра иностранных дел и целой плеяды высших государственных сановников царской России, родственница множества офицеров армии Врангеля... Из института была отчислена как «классово – чуждый элемент». Но и здесь же видимо сказалась поддержка друзей отца, о которых она упоминала в рассказах, но никогда не называла фамилий. Единственно достоверно известно, что все эти годы она близко дружила с женой Н.Г. Крыленко. Дружба правда была не совсем равной, Александра Сергеевна всегда называла ее «своим старшим товарищем», оказавшим огромное влияние на ее жизнь и становление личности.

С этого периода (примерно 1925 - 29 годы) начинается вхождение Александры Сергеевны в туристическую систему страны. В 1925 году она закончила шестимесячные курсы туристских организаторов (руководители: Аделунг Н.Н., Бархаш Л.Л.). По окончании учебы в течение какого-то времени она работала экскурсоводом по маршруту Москва – Ленинград (в том числе и при организации экскурсий для бывших беспризорников). Это видимо и было ее первым педагогическим и организационным опытом в одном из подразделений Российского общества туристов (РОТ) и Русского горного общества.

Из воспоминаний А.С.: «Привезли мы группу бывших беспризорников в Ленинград. По дороге на экскурсию в Исаакиевский Собор, они успели обчистить у прохожих несколько карманов, на ходу срезать с шубы у проходящей рядом гражданки кусок каракуля, а по Собору, разбежались кто куда. Трое из них забрались на купол и застряли там от страха. За ними полез милиционер, но тоже застрял. Пришлось мне их оттуда самой снимать, вместе с милиционером…»

В 1927-28 годах Александра пережила очень сложный период. Неожиданно через нарочных, (возможно, это была их бывшая гувернантка г-жа Пульсен, которая не прекращала их поиски весь послереволюционный период и в воспоминаниях писала о том, что контакты с девочками у нее все же были) из-за границы она стала получать письма от отца. Ей предлагалось тайно выехать из страны, через «коридор» который был им приготовлен где-то на границе. Но вслед за письмом, пришли следователи НКВД…

Из воспоминаний А.С.: «В течение нескольких месяцев, по ночам меня периодически арестовывали, допрашивали, а утром отпускали на работу. Я понимала, что их интересую не я, а адресаты писем и нарочные. В НКВД я ничего не сказала про письма, но поняла, что уехать мне не дадут, а из-за меня еще и погибнут люди. Чтобы прекратить переписку, я написала ответ, в котором заявила, что никуда не поеду, что родные, бросившие меня с сестрой и умирающей мамой, мне не нужны и т.д.. Письма прекратились, а за ними и ночные допросы. Дальше я поняла, что жить с родной фамилией долго, мне все равно не дадут, и сменила ее на фамилию: Вольская. При смене фамилии, благодаря помощи Н.В. Крыленко, паспортист «случайно» сделал ошибку в записи места рождения: село Пески Луховицкого уезда Московской губернии, вместо села Пески Лохвицкого уезда Полтавской губернии. Это давало мне еще одну возможность затеряться на какое-то время.»

Вот именно как Леся Вольская *(уже потом, после замужества – Игнатенко)*, она и вошла в историю отечественного туризма и альпинизма. В 1929г. Российское общество туристов преобразовывается в Общество пролетарского туризма (ОПТ) РСФСР, а в 1930 г. на его базе создается Всесоюзное общество пролетарского туризма и экскурсий (ОПТЭ) председателем которого стал муж ее подруги - министр юстиции СССР Н.Г. Крыленко. Он и предложил Александре пойти туда работать на должность методиста.

Ист. справка: *«Возглавил ОПТЭ нарком юстиции, замечательный турист и альпинист Н. В. Крыленко. Уже к 1932 году членами общества стали сотни тысяч человек.»*

В ОПТЭ изначально было всего три сотрудника: методист, бухгалтер и директор. Таким образом, она и стала одним из первых штатных работников общества. Началась активная работа по созданию постоянно действующих туристических маршрутов на территории СССР, а для А.С., соответственно, начался период длительных командировок.

Примечание: *Анализируя и сопоставляя события и факты, у меня складывается впечатление, что ее первые дальние командировки более всего нужны были ей самой, чтобы затеряться от контроля НКВД. Маловероятно, что отправка двадцати пяти–летней девчонки, без опыта и необходимых знаний в Хакасию или на Кавказ, была продиктована крайней производственной необходимостью или так ярко выраженными, столь ранними талантами… Происходящее было все же более похоже на то, что Крыленко или кто-то еще, просто помогал ей прятаться, а условия, в которые она попала позже, лишь заставили ее раскрыть свои незаурядные способности …*

Первой командировкой была турбаза в Хакасии 1929-30 годы. Но о ней, как и о ее деятельности там, не сохранилось никаких сведений. Однако почти сразу за ней, в 1931 году Крыленко отправляет Александру Сергеевну инструктором – методистом в Северную Осетию для организации маршрута

через Мамисонский перевал в Грузию. По прибытии на место она обнаруживает что ни баз, ни приютов нет, а средства разворованы. Она сообщает реальную картину Крыленко, получает финансирование и начинает их строить. Через месяц она назначается директором центральной базы в Цее и Заромаге, затем получает еще и задание построить базу во Владикавказе, а также все сезонные приюты до Мамисонского перевала. В том же 1931 году маршрут был открыт.

В 1932 году ее переводят в Сванетию (Грузия) на должность директора района туристских баз, для создания сети маршрутов из Кабардино-Балкарии через перевалы Твибер, Донгуз-Орун и (позже) Бечо.

Из воспоминаний А.С.: «Строительство баз мы начинали, когда по ущелью р. Ингури еще не было дороги. Была тропа, по которой не везде проходила лошадь. Сванетия была исторически оторвана от внешнего мира, развивалась по своим законам матриархата. Сваны всегда были вольным народом, не знавшим и не признававшим ни какой власти над ними. Среди семей и родов процветала кровная месть. На Ингурской тропе промышляли банды разбойников. Столица Сванетии – Местиа, увидела и узнала самолет раньше автомобиля… А моим основным средством передвижения, был замечательный скакун - конь Соколик, служивший мне верой и правдой все годы работы в Сванетии.».

Примечание: *как-то значительно позже, на Кавказе я видел как она, уже в преклонном возрасте, сидя в седле, управляется с лошадью и могу подтвердить, что наездницей она была превосходной!*

Из воспоминаний А.С.: «Сначала было очень тяжело – я была чужой этому замечательному и самобытному народу. Сильно помог тот самый матриархальный уклад сванов, сильно облегчивший мое положение как женщины - начальника и то, что я достаточно быстро подружилась с представителями самого сильного и уважаемого рода в Сванетии – братьями Габриэлем и Бекны Хергиани (дядями знаменитого в последствии, альпиниста Михаила Хергиани). Они оба работали у меня проводниками, были влюблены в меня. Однажды, проснувшись утром в палатке и вылезая из спального мешка, я с радостью обнаружила, что слева от меня, между мною и Габриэлем лежит кинжал, и справа от меня, между мною и Бекны, тоже лежит кинжал. Это означало, что братья отказываются от претензий на мою взаимность и принимают меня в качестве сестры. А дальше мы братались, как и было положено – кровью. Меня впустили в состав семьи Хергиани как родную, и взяли под его защиту всего рода. Позже мне неоднократно предлагали взять себе вторую фамилию – Хергиани.

Работать было очень трудно. С одной стороны были бандиты, которые грабили туристов, всячески препятствовали строительству дороги и развитию района, а с другой, на Кавказе уже начинались активные чистки НКВД».

«Как-то я везла из города Зугдиди зарплату для сотрудников всех турбаз. А нормальную охрану мне дать не смогли. Сопровождал меня один единственный милиционер из местных. Я понимала, что защитить он меня не сможет. Ведь о том, что я везу деньги, знает уже вся Сванетия. Я его отпустила,

а он дал мне один хороший совет… Следуя его совету, заехала я в село Ушгули, где жил главарь местных разбойников и попросилась к нему в дом на ночлег. Закон горного гостеприимства незыблем. В его доме я могла себя чувствовать безопасно до выхода со двора. Во дворе, я отдала ему сумку и сказала что в ней большие деньги и попросила сохранить их до утра. Меня приняли как дорогого гостя. А утром он подвел меня к моему уже оседланному коню, отдал мне сумку и попросил пересчитать деньги. Я отказалась, сказав, что это не хорошо, т.к. он их тоже не пересчитывал когда принимал. Он поблагодарил меня за доверие, попросил обращаться за любой помощью как сестру к брату, а на оставшийся путь, выделил мне охрану из своих людей… Разбойники и бандиты в Сванетии были не одно, и тоже»…

«Мы очень дружили с главным инженером строительства Ингурской дороги *(она называла его имя и фамилию, но я ее не запомнил)*. Это был замечательный и светлый человек. Как-то он приехал к нам на Местийскую базу. Мы долго разговаривали и пили чай. Когда ему было пора уезжать. Он попросил подарить ему цветок из вазы на столе (незадолго до этого, Кузьмич – завхоз базы, привез несколько возов хорошей земли и разбил перед зданием замечательный цветник астр). Я сказала Кузьмичу нарезать большой букет и отдала инженеру. А утром ко мне приехал главарь бандитов. «Лесия! – крикнул он, не слезая с лошади: «дорогу мы взорвали, а твой инженер лежит там, укрытый твоими цветами».

«Однажды, я отказалась проводить массовое восхождение комсомольцев на Тетнульд. Я знала этот маршрут и понимала, что на узком скальном гребне и мизерной площадке вершины, толпа неопытных и не знающих самых простых правил страховки, мальчишек и девчонок не пройдет и не разминется – люди погибнут. Но я совсем не знала, как будет расценен мой отказ в руководстве Республики… Тем более, один из сторонников этого восхождения написал про мой «саботаж» в ЦК компартии республики донос. В любой момент могли прийти и бандиты, и работники НКВД. И если от первых, я была хоть как-то защищена родом Хергиани, то от вторых, конечно ни кем и ничем. У меня был пистолет «Коровина». Я держала его в основном, на тот самый случай – самое страшное, было попасть и к тем, и к другим живой». Мы с бухгалтером Наташей, сидели на базе и ждали – договорились, что как придут, я сначала убью ее, а потом себя… Но тут из Тбилиси пришла телеграмма, отменяющая восхождение – меня поддержали!

В 1933-м году (одновременно со строительством ингурской дороги), начинают работать первые маршруты. Развитием этого туристского района она занималась до 1937-го года. Уже в этот период, в Сванетию стали приходить первые спортивные группы самодеятельных туристов и альпинистов. Понимая важность этого, только – только набирающего силы явления, Александра Сергеевна стала создавать для них все возможные условия. Первое, что она сделала - организовала бесплатное питание и предоставляла помещения для ночлегов на всех своих базах. Затем, были организованы постоянные консультации, методическая и другая посильная, и всегда бесплатная, помощь.

Там же в Сванетии она вышла замуж за радиста аэродрома г. Местиа Петра Ивановича Игнатенко. Это же время стало периодом ее становления и как спортсмена, и как участника и руководителя сложных первопроходческих маршрутов, и как методиста, и как одного из лучших знатоков Кавказа и как талантливого администратора. Некоторые маршруты и рекордные переходы, сделанные ею вместе с Габриэлем и Бекны Хергиани, до сих пор не имеют аналогов: - Двадцати четырех – часовой переход: Местиа – пер. Джан-Туган – пос. Тегенекли – пер. Бечо – Местиа, который они неоднократно повторяли с братьями Хергиани и т.д..

- Зимний переход через перевал Бечо, с четырехсуточным пережиданием пурги, на высоте более 3500 метров:

Однажды при переходе перевала Бечо они попали в шквальный ветер со снегом. Пришлось остановиться, стал одолевать мороз. Вблизи оказалась сухая трещина, куда и спустились с помощью веревки, забрались в спальные мешки. Трое суток бушевала буря. На исходе третьих суток снегопад прекратился, но сильный шквальный ветер не утихал. Не без труда вылезли из своего укрытия и осторожно спустились с перевала в сторону Южного приюта. Почти девять часов, по пояс в свежевыпавшем снегу, продолжался трудный и опасный переход. От невероятной нагрузки, у одного из участников разошелся шов от аппендицита. Ночью, обессиленные, они добрались до хижины приюта. Внутри - невероятный холод (зимой на приюте никто не жил). На дрова пошли топчаны. Кое-как ободрали куст рябины и из ягод приготовили чай. С рассветом вышли в сторону селения. Александра Сергеевна, вспоминая этот зимний переход, говорила: «Прошло свыше пятидесяти лет, а все детали помню, как будто это происходило вчера. А после этого случая, на всех приютах приказала разместить аварийные запасы дров и продовольствия».

Там же она участвует в проведении первых Эльбрусиад (массовых восхождений на Эльбрус) РККА, ряде восхождений на вершины Большого Кавказа вместе с ведущими альпинистами страны и продолжает изучать Кавказ, осваивая все новые и новые маршруты и перевалы. Постоянно накапливая и систематизируя данные, она становится одним из лучших знатоков Кавказа в стране, обладающим действительно энциклопедическими знаниями региона.

К концу 30-х годов, легенды о ней, иногда уже сильно превосходили реальность: в одном из всесоюзных альманахов по вопросам развития горного туризма *(я сам видел этот текст)* было написано: «подробную консультацию дала чл. Географического общества академик А.С. Игнатенко…», хотя ни тем, ни другим она не была. Просто раскрылся талант методиста и организатора.

В 1937 году, по состоянию здоровья, она экстренно и неожиданно покинула Сванетию и вернулась в Москву. Весной, перед открытием сезона, будучи беременной, вышла на обход маршрутов (проверка лавиноопасности и состояния приюта под пер. Твибер). С перевала спускались на лыжах. «Бекны отговаривал меня от этого выхода: «Не дело беременной бабе по горам скакать!» - говорил он. Но я прекрасно стояла на лыжах и была уверенна в себе. А тут, споткнулась, полетела и ударилась боком о камень… Произошел выкидыш. Погода была не летная, ингурская дорога еще не очистилась от снега

и машины еще не ходили. В Зугдиди меня везли на волокуше, в крайне тяжелом состоянии, с запряженным в нее моим скакуном - Соколиком.» Дальше было долгое лечение в Москве и работа в МосТЭУ.

За работу на Кавказе она была награждена именными часами ВЦСПС.

Создание и развитие ОПТЭ дало мощнейший импульс для создания такого общественно – спортивного явления, как спортивный туризм. В стране, в системе теперь уже ВЦСПС было создано Московское туристско – экскурсионное управление (МосТЭУ). Массово создавались спортивные клубы, секции и кружки. После возвращения с Кавказа Александра Сергеевна продолжила работу в структурах МосТЭУ на должностях методиста – консультанта по горному туризму и инструктора Зеленоградской турбазы МосТЭУ. Много сил и времени было отдано организации спортивно – туристских путешествий, слетов, групп и объединений. Проводила сама и участвовала во множестве походов и экспедиций.

Примечание: Здесь надо немного остановиться на самом явлении, коим был в СССР спортивный туризм. Следует отметить, что это явление не имело аналогов ни в одной другой стране мира. Прежде всего, спортивный туризм стал не только спортом, но в значительной степени и образом жизни городской интеллигенции. Предпосылками развития этого явления стали как тоталитарный строй сам по себе, так и обширнейшие территории и разнообразие отдаленных неосвоенных природных объектов внутри страны. Совершение дальних путешествий было замечательной возможностью хоть какого-то, пусть временного, но ухода от тоталитарного общества. Отдаленность и труднодоступность ряда объектов способствовала и увеличению продолжительности, и росту научно-экспедиционной (интеллектуальной) составляющей спортивно-туристических путешествий. Не случайно и то, что туризм стал «обрастать» и такими атрибутами выделенной общности, как собственный фольклор, в виде туристской (далее авторской) песни, появлением собственных печатных изданий и проведения массовых мероприятий в виде слетов, школ подготовки актива, семинаров и конференций. В любом случае, сегодня мы с полным основанием можем говорить о том, что советский спортивный туризм, вовлекший в свои ряды миллионы людей, в значительной степени компенсировал и развивал, прежде всего, потребность граждан в свободе мысли, передвижения и творчества.

В 1939 году в семье родился сын Сергей. И оставшийся предвоенный период не оставил каких-либо данных, за исключением того, что она продолжала работать в МосТЭУ, была счастлива рождению долгожданного сына, всецело поглощена им и снова поступила на географический факультет педагогического института. Однако теперь, обучение прервала война.

В период войны участвовала в обороне Москвы сначала в качестве фронтовой медсестры, а затем в должности ст. операционной сестры, ст. сестры приемного отделения фронтового госпиталя. Была донором для тяжело раненных (в основном обгоревших танкистов), т.к. ее кровь 1-й группы и с очень высоким содержанием гемоглобина, берегли только для самых тяжелых

случаев и для прямого переливания. Голодала вместе с семьей вплоть до опухания от дистрофии.

Из воспоминаний А.С.: «Ко мне пришла подруга (санитарка из нашего госпиталя), разрыдалась и сказала:

– Я сегодня убью своих детей, а потом удавлюсь сама. Я больше не могу видеть, как они умирают от голода!

А я и бабуля (няня) уже тоже начали пухнуть от голода и я ее спросила:

- А ты можешь достать большие санки?

- Могу.

- Тогда я достану пилу и мы будем пилить и продавать дрова!

А за дрова тогда платили водкой. А за водку на базаре можно было купить все что угодно. Вот мы и пилили между дежурствами дрова, развозили и продавали. Дровами свои семьи и спасли».

В начале 1942 года она была привлечена к формированию горно-стрелковых отрядов и соединений РККА для обороны Кавказа, из числа опытных альпинистов и туристов.

Из воспоминаний А.С.: «Формирование шло в строжайшей тайне. Меня забрали прямо из госпиталя от операционного стола и привезли в архив МосТЭУ. Поставили охрану. Объяснили задачу и спросили, кто еще нужен для формирования отрядов. Я сказала, что нужно привлечь Е.В. Садковскую, но только не надо ее так арестовывать, как меня. А то не доедет – она человек впечатлительный… Ее привезли через час все-таки сильно перепуганную. И вот в течение двух месяцев мы формировали все отряды. Нашим семьям сообщили, что мы в командировках. На улицу не выпускали, кормили и поили на месте, всем необходимым обеспечивали и доставляли все необходимые документы. Секретность была такая, что все запросы по фронтам на требуемых людей, специальная группа готовила тут же на месте. По результатам ответов на запросы (многие из разыскиваемых нами людей, к тому времени уже погибли на фронтах), отряды снова и снова приходилось переформировывать».

В списки внесла и себя, и была включена в состав одного из отрядов. Но их вылет был отменен, т.к. г. Нальчик, в который были направлены все самолеты, к тому моменту был занят немцами, связь отсутствовала и большая часть самолетов с группами, собранными ею и Е.В. Садковской, была сбита в воздухе. Вылеты небольшой оставшейся части групп, командованием было решено отложить. По ее оценкам, в результате отправки самолетов с отрядами, в уже занятый немцами Нальчик, страна потеряла большую часть элиты советского туризма и альпинизма.

Из воспоминаний А.С.: «Завершив работу, я прошла школу радистов и внесла себя в список очередной группы. Помню, что мы должны были лететь вместе с Колей Губановым и другими замечательными спортсменами. Дома ничего не говорила. Дальше началось тревожное ожидание вылета. Днем готовила вылеты отрядов и рвалась на фронт сама, а ночами рыдала от страха за сына, понимая, что уже слабая и престарелая бабуля (няня) не сможет его

прокормить. Я также понимала, что в случае моей гибели они не выживут. Вот так и жили во мне два человека – дневной герой и ночной трус».

Окончательно отменил ее отправку на Кавказ взрыв фугасной бомбы, в результате которого она получила девять осколочных ранений (в живот, грудь, руки и ноги). Извлекали осколки и залечивали раны в том же госпитале, где и служила. Один из осколков из нее достали уже в пятидесятых годах, а два так и остались не извлеченными. В этом госпитале она прослужила примерно до 1943 года, до момента когда госпиталь перестал быть фронтовым и был переведен в состав тыловых медицинских подразделений. В заключительный период войны ее назначили директором детского дома, который она приняла в Москве и вывезла в эвакуацию куда-то в Заволжье. Там она и встретила Победу и затем, с детьми из детского дома и семьей, вернулась в Москву.

Примечание: *В некоторых исторических источниках об А.С. пишут как о радисте горно – стрелкового отряда на Кавказе – это ошибка и очередная легенда, причина которой изложена выше. Скорее всего, перепутаны события ее активной деятельности довоенного периода в Сванетии, когда ей помимо туристической работы, приходилось еще и бороться с бандами бандитов.*

За время войны, Александра Сергеевна была награждена медалями: «За оборону Москвы»; «За победу над Фашистской Германией»; «За доблестный труд в Великой отечественной войне»; «Ветеран Великой Отечественной Войны».

> ***Историческая справка:*** *«Война прервала деятельность туристских организаций. Понадобилось много лет для достижения довоенного уровня. Спорткомитет в 1949 году включил туризм в Единую всесоюзную спортивную классификацию. Самодеятельным туристам стали присваивать спортивные разряды и звания мастеров спорта. Встал вопрос о создании туристских клубов. Организацией Городского клуба туристов занялись работники МосТЭУ (Московское туристско-экскурсионное управление – ред.). М. В. Паладьева и А. С. Игнатенко. Первым директором клуба стал Михаил Романович Злацен.»*

Последнее утверждение из цитаты опять же не совсем точно. М.Н. Злацена не утвердили на должность директора. Поэтому первым директором Московского городского туристского клуба была назначена А.С. Игнатенко. Но административная деятельность ограничивала ее в возможности совершения путешествий, и она при первом же удобном случае, убедила руководство МосТЭУ в правильности назначения Злацена и с радостью передала эту должность Михаилу Романовичу - своему другу, коллеге и талантливому организатору. Сама же вновь вернулась на столь любимую ею должность инструктора – методиста созданного ими клуба. Дальше была работа по восстановлению советской спортивно – туристской системы и воспитания огромного числа учеников. Одним из первых и наиболее замечательных достижений основателей клуба, было создание библиотеки отчетов, картографических источников и других материалов о путешествиях. Ее первичной основой, стал сохраненный в годы войны, архив МосТЭУ. Далее материалы пополнялись отчетами о проведенных путешествиях и описаниями

туристических районов. Благодаря накопленному материалу появилась возможность составлять и печатать систематизированные рекомендации, справочники, классификаторы, пособия, методические разработки и краеведческие описания. Материалы библиотеки пополняются и в настоящее время. Материалы ее уникальны. Многие из них имеют огромную историко-географическую ценность, а общий фонд библиотеки насчитывает десятки тысяч единиц хранения, не имеющих копий и аналогов.

В начале пятидесятых годов в Москве создается новое объединение: спортивно – туристский клуб «Спартак», давший впоследствии, замечательную плеяду мастеров и инструкторов туризма. И она переходит работать в него на должность старшего тренера.

Из воспоминаний Эмиля Наумовича Кодыша:

«В Спартаке ребята сила - сила, в Спартаке ребята – класс»

В далеких пятидесятых годах прошлого столетия эффективность работы организаций и сотрудников оценивалась по весьма условным, а подчас надуманным показателям. Результаты поощрялись нагрудными значками, такими, как «Победитель социалистического соревнования», «Ударник коммунистического труда» и др. – вслушайтесь в названия. Работа спортивных обществ также оценивалась – количеством званий, разрядов и призовых мест на крупных соревнованиях. Увеличение количества занимающихся спортом было связано с необходимостью строительства стадионов, бассейнов, спортзалов. Приятным исключением был туризм: ночью – пол палатки под ногами, днем – небо над головой, а оно, как известно, бесплатно.

На наше счастье, эта светлая мысль посетила головы руководителей Московского городского совета «Спартак» - создать туристскую команду.

И вот, в 1954 г. старшим тренером не существующей тогда еще команды была назначена одна из опытнейших инструкторов-туристов с довоенным стажем – Александра Сергеевна Игнатенко. Она работала на турбазах, в клубе туристов, руководила и участвовала во многих горных походах. Помощником Александра Сергеевна выбрала также очень известную туристку Ирину Ивановну Вайнштейн.

Оставалось дело за малым – создать команду. Заслуженно первым членом команды стал Сергей Игнатенко – с детских лет занимавшийся туризмом и хорошо физически подготовленный. Женскую часть команды возглавляла молодая Юля Миронова – работник клуба. Из остальных помню Ию Копылову (впоследствии Штюрмер) и Люсю. Все они были молодыми и красивыми.

Мужскую часть команды укомплектовала Ирина Ивановна. Она летом ходила в сложный, по тем временам, поход с выпускниками строительного ВУЗа и они во главе с Сергеем Игнатенко сформировали мужскую часть команды – это Вадим Барсуков, Виктор Варлашин, Эмиль Кодыш, Валентин Рыбаков, Игорь Симон.

В состав кто-то добавлялся, кто-то уходил, но костяк команды был неизменным.

Я пользуюсь термином «команда», а не «секция», по может быть с трудом, понимаемым теперь причинам – у нас были устно взятые на себя обязательства занимать на московских и всесоюзных соревнованиях места не ниже призового. А за это мы получали деньги, теперь это скромно называется «дотация», на сложные дальние походы, в которых выполняли разрядные или мастерские требования. Стороны свои обязательства выполняли. Кстати, большинство членов нашей команды стали мастерами спорта СССР.

Но ведь чтобы показывать хорошие результаты нужно тренироваться.

Раз в неделю мы собирались в неработающей церкви около метро им. Баумана. Там помещался Московский городской совет ДСО «Спартак» и стояли среди многих других наград общества, завоеванные нами кубки. Там Александра Сергеевна проводила теоретические занятия по технике преодоления препятствий, туристским навыкам, изучали районы будущих путешествий и намечали план практических занятий на ближайшие воскресные выходы – тренировки.

Воскресные походы проходили круглогодично. Большая часть Подмосковья была пройдена нами. Некоторые были посвящены развитию выносливости – мы в хорошем темпе таскали рюкзаки с кирпичами, утюгами, а на некоторых мы организовывали переправы через реки, иногда подвесные, отрабатывали технические приемы, способы транспортировки «пострадавшего».

Апофеозом нашей подготовки были спортивные сборы, предшествующие ответственным соревнованиям.

Эти сборы 3-5-дневные проходили обычно на легендарной базе спартаковской футбольной команды в подмосковной Тарасовке. Там, кроме дневных тренировок, были вечерние «занятия» с гитарами и песнями.

Следует честно сказать, что Александра Сергеевна была тренером «строгим, но справедливым». Иногда нам прилично доставалось, как правило, за неполную отдачу на тренировках и небольшие «нарушения режима», так вежливо называлось коллективное распитие бутылки вина, но подчеркиваю, только вина.

На соревнования мы выезжали и в другие города. Помню соревнования под Ригой, где мы заняли первое место. Особенно трудны были ночные соревнования. Они тогда обязательно включали в себя ориентирование в лесистой местности. Особенно запомнились соревнования под дождем, когда «сверху мокро, снизу гадко, сквозь брезент вода течет» (слова туристской песни), а ты ломишься через чащобу весь исцарапанный.

Команда со временем переросла в клуб туристов «Спартак», который получил помещение – 4 комнаты с отдельным входом в районе Арбата. Спартаковцы совершали в год более сотни походов. Норму мастера спорта выполняли до 10 человек. Члены команды Александры Сергеевны возглавляли этот клуб, появились штатные работники, но увы Александра Сергеевна в это время покинула Спартаковский клуб, перейдя на работу в Городской клуб туристов, а в «лихие» 90-е и клуб перестал существовать – уж больно

заманчивую площадь он занимал. Остались только слова из нашей песни, вынесенные в заголовок.»

Эмиль Наумович допустил одну ошибку – А.С. тогда перешла не в клуб (она там постоянно работала по совместительству) а в дом пионеров Первомайского района, на должность методиста – они тогда, как бы поменялись местами с талантливейшим организатором – М.В. Монастырским (ставшим в последствии создателем и директором международных альпинистских лагерей Советского Союза).

Далее были замечательные дальние спортивные экспедиции. Спортивная экспедиция, стала тогда совершенно новым явлением в туризме. Это длительное туристское путешествие, в совершенно новом и не освоенном районе, составление описаний и карт. Такие экспедиции имели не только спортивное, но и огромное научное значение. Одной из таких экспедиций, стало комплексное (совместно с Академией наук СССР) исследование ледника Федченко, долины Пянджа, Хорога и всего массива Восточного Памира, проведенной ею вместе с Л.А. Зенякиным и др. замечательными спортсменами. В этом маршруте во время переправы через р. Абехин-гоу, у А.С. в локтевом суставе отсумковался один из осколков той самой фугасной бомбы. Из реки ее вытащили на страховке, но рука повисла как плеть и причиняла сильную боль. И в этом состоянии, она все же продолжила и успешно завершила экспедицию. Этот осколок, потом с огромным трудом удалили ее фронтовые друзья – замечательные хирурги: Петр Леонтьевич и Олимпиада Ивановна Удодинко…

Рос сын Сергей. И она сумела привить ему такую же любовь к горам, какой обладала сама. В дальние походы всегда ходили по очереди. Кому-то надо было оставаться дома с постаревшей няней. В дальние походы выезжали по очереди.

О няне: об этом человеке в нашей семье, надо сказать отдельно. Дочь крепостных крестьян, ставшая кормилицей маленькой «грапыни», прошла с воспитанницей всю жизнь. Она научила Александру быть сильной, всегда и везде сохранять достоинство и выдержку. Она научила ее делать любую работу. Она отдала ей и ее родным, и близким все что могла – безмерную любовь и мудрую заботу. Уважение к этому человеку привил Александре еще в детстве отец. В нашей семье она была не просто уважаема, а боготворима. Александра Сергеевна пыталась называть ее – мама, хотя няня категорически отказывалась принимать это обращение: «Я тебя не рожала – мать у человека только одна!». А сын и все члены семьи звали ее просто «Бабуля» или «нянечка». Читать и писать она научилась сама. Читала книги – «запоем», а писала только печатными буквами. Многие друзья, знавшие семью Игнатенко близко, говорили что более интеллигентного человека, они встречали не часто.

Из воспоминаний А.С: «Сергею было девять лет. И кто-то сказал ему, что бабуля ему не родная, а просто моя «нянька». И он как-то посмел уничижительно сказать об этом ей. Это был единственный случай, когда я его избила. Избила так, что сама рыдала. А когда оба успокоились, я посадила его рядом и все рассказала. Рассказала о том, как она прятала и выкармливала меня

во время гражданской войны. Как выхаживала от тифа. Как я рыдала заливая слезами язвы, образовавшиеся на ее руках, от работы на соляных копях. Как я целовала эти руки, выкормившие и спасшие меня. Как она заставила меня быть сильной и пережить отчисление из института и положение отверженной. Как она ждала и молилась за меня во время ночных арестов. Как она снова и снова ждала меня и единственная, не верила известию о моей смерти в горах, зимой 35-го года. Рассказала ему как она пухла от голода зимой 42-го, отдавая последние кусочки ее «не родному» внуку… Видимо хорошо объяснила. Сергей долго плакал и переживал. Это очень сильно изменило его отношение к ней и к жизни вообще. Он боготворил ее. Они любили друг друга всю жизнь до самозабвения. Когда Сергей погиб, мы скрывали это от нее, понимая, что известие об этом будет последним днем ее жизни.»

Из воспоминаний Н.Е. Игнатенко (Лепиной): «Как звали бабулю? Бабуля… Так ее все называли. А имени и отчества я и не помню. Бабуля – для всех как-то сложилось и по другому, ее ни кто не называл. Когда Сергей погиб, мы сказали ей, что его снова призвали в армию очень на долго. Помню, ты сидишь за своим столиком, а она рядом. Смотрит на тебя и все приговаривает: «Детка, детка, на кого ж тебя батька оставил?». Умерла она зимой 1965 года.

В конце пятидесятых, Александра Сергеевна перешла работать методистом по туризму в дом пионеров Кировского района Москвы. К этому времени, у нее уже появилось новое туристское имя: все ученики и друзья, уже давно называли ее любовно-уважительно: А.С.. «А.С.» - получилось это как-то само собой – ведь в горах, в случае опасности, выговаривать длинное «Александра Сергеевна» было просто невозможно. Так называли ее все: друзья и ученики, взрослые и дети.

С переходом в дом пионеров начался новый этап ее деятельности – педагогический. Одновременно с этим, она продолжала большую работу в качестве инструктора – методиста и консультанта по Кавказу маршрутной комиссии Московского городского туристского клуба.

Пятидесятые годы стали расцветом детского туризма в стране. Это период, когда детский спортивный туризм еще не сформировался по видам как взрослый. Но многие ее талантливые ученики, видя какой огромный педагогический потенциал, заключается в детском туризме, пошли работать в детские учреждения и сформировали в последствии элиту этого уникального, отечественного направления педагогики. Проведение первых видовых (горных) путешествий школьников, тоже была ее инициатива. Она с радостью окунулась в относительно новый для нее вид деятельности. В педагогике она смогла реализоваться с тем же свойственным ей блеском и успехом.

Она очень долго не оформляла себе звания «Мастер спорта СССР», хотя могла получить его одной из первых. В довоенный и послевоенный период, видимо, не задавалась такой целью. Да и при ее известности и авторитете, в этом не было особой необходимости. К всевозможным званиям, медалям и пр. наградам, она была достаточно равнодушна. А затем, у них с сыном появилась

одна большая мечта. Они очень хотели иметь мастерские значки с соседними номерами. Сергей очень быстро набирал опыт. Этому конечно способствовало и ее положение. Она имела возможность направлять его к своим лучшим и опытнейшим ученикам, уже создавшим собственные замечательные школы. Очень быстро, за плечами у него осталась и служба в горно-стрелковых войсках, и ряд успешно проведенных, сложнейших спортивных путешествий.

В 1963 году Сергей женился на Наталии Евгеньевне Константиновой, пионервожатой школы №717 г. Москвы. Сергей тогда работал методистом Московской областной детской туристско – экскурсионной станции. Таким образом. Была создана еще одна счастливая туристско-педагогическая семья. Свадьбу справляли всем туристским сообществом в родном городском клубе. Наташа, как и Сергей, учившийся в это время в топографическом техникуме, планировала поступление, и поступила в последствии, на географический факультет Московского педагогического института им. Крупской. А 15 апреля 1964 года в семье родился сын Андрей (то есть я).

К двадцати пяти годам, для получения звания Мастера спорта, Сергею оставалось сделать один зачетный поход в качестве руководителя. И вот, летом 1964-го они вместе с Александрой Сергеевной, повели на Кавказ созданную Сергеем, школу инструкторов туризма. Сын - руководителем, мать - заместителем. Мне сложно судить их как за эту спешку в погоне за званиями и за спешку в подготовке этого, в общем-то не запланированного похода, так и за идею совместного руководства, когда заместитель является заведомо опытнее руководителя. Но сейчас, уже с положения чемпиона страны, инструктора, основателя чемпионата Москвы по горному туризму среди школьников и руководителя первого юношеского горного путешествия 4-й категории сложности в стране, могу сказать, что они просто слишком сильно торопились и перенадеялись на свой опыт и идиллию совместного руководства походом. Что-то пошло не так. 4 августа 1964 года, во время первопрохождения одного из перевалов Главного Кавказского хребта, группа из-за своей многочисленности, не успела спуститься с перевала и была накрыта грозой с шаровой молнией. Молния кружила над ними и рассыпала удары. Были ранены многие ребята. Один из мальчишек, раненный в руку, не выдержав боли вскочил. Молния среагировала на движение и пошла на него. Сергей сделал то, что обязан был сделать – накрыл собою раненного молнией мальчишку, вызвав разряд молнии на себя. Он погиб на глазах у матери. Дальше А.С., сделала то, что обязана была сделать – скрывая от ребят гибель сына и отдавая распоряжения от его имени, организовала эвакуацию группы с множеством раненных детей. Она спасала детей, спрятав от себя и других, боль и трагедию матери, только что потерявшей сына.

Сергея похоронили в долине, под перевалом, который теперь носит его имя. Местные жители и руководители района попросили Александру Сергеевну не увозить тело Сергея из Грузии, пообещав, что за могилой всегда будет уход и присмотр. Это была дань уважения грузинского народа к ней и ее вкладу в развитие республики, и к Подвигу ее сына. Место для захоронения выбирали ребята из его группы. Один из ребят - Саша Зенякин нашел небольшую поляну,

над которой возвышался многовековой раскидистый бук (груз. - чинара). Под этим буком и решено было захоронить Сергея. Местные жители изготовили и установили у могилы Памятник, высеченный из монолитного куска камня.

Трудно. Трудно вернуться к делу, которое отняло у тебя самое родное. Но, она вернулась. Она снова стала ведущим консультантом и методистом московского городского туристского клуба. А любовь к сыну трансформировалась в необъятную любовь к внуку. И ради меня, ее единственного внука, Александра Сергеевна переходит работать в мою школу (…) уборщицей. Она уже не хотела ни высоких званий, ни почетных и заслуженных должностей. Она хотела только одного – быть рядом с внуком. Однако следуя правилу: «талантливый человек - талантлив во всем», она не смогла замкнуться только на этой роли. Ее творческая натура снова заставила ее стать выдающимся работником! В школе она активно занялась воспитательной работой.

Она стала душой школы. Для всех детей она была «Бабушкой». Для моих одноклассников. она стала руководителем туристского кружка и надежным старшим товарищем. Для молодых учителей, она стала мудрым наставником. Для опытных, другом и добрым советчиком. А на этаже, который она убирала, дети почему-то никогда не мусорили – и дело тут даже не в том, что «бабушка не велела». Она сумела как-то очень ненавязчиво и незаметно, воспитать культуру бытия в созданном ею педагогическом пространстве…

Оценкой ее труда стали: Медаль «За трудовые заслуги», медаль «Ветеран труда», две Грамоты Мосгорисполкома «За успехи в воспитательной работе», Благодарность министерства образования РСФСР «За выдающиеся результаты в воспитательной работе с учащимися».

Ее всегда отличало умение хорошо делать любую работу, не разделяя ее на приятную и не очень. Основой этому, видимо был врожденный истинный аристократизм. Именно аристократизм позволял ей, не переламывая себя, снисходить до самой неудобной и неприятной работы. И благодаря этому снисхождению, исполнять любую работу блестяще.

У работы в школе было еще одно важное преимущество – она имела возможность на все лето уезжать в Грузию, на могилу сына. У могилы был построен небольшой домик, а место, как и перевал получило название – поляна Игнатенко. Сначала домик помог построить давний друг из Сухуми – Василий Григорьевич Матвиенко, очень любивший нашу семью. Через два года домик сгорел по неосторожности местных мальчишек, укрывшихся в нем от непогоды. Но его восстановили местные жители, пастухи и геологи. На Кавказе она пользовалась огромным авторитетом и уважением. Ее называли – Наша Русская Мать. Жители ближайшего селения Геби помогали ей чем могли, она отвечала им любовью, добрым словом и советом, давала кров и пристанище в непогоду. К ней приходили за советом. Приходили все: молодые ребята – геологи, местные жители. Ей доверяли самые сокровенные тайны молодые и старые, хорошие и плохие. И все получали нужный совет и доброе слово поддержки.

Когда я подрос, она стала на все лето вывозить на поляну меня и моих друзей – одноклассников. Воспитание было достаточно вольным и спартанским. Гулять было разрешено везде, кроме каньона реки. Все остальное, включая небольшой ледник, расположенный выше по ручью, склоны гор и леса - можно. Единственным условием было четкая информация о том, куда мы собираемся. Обучение бытию в горах проводилось не навязчиво, но добротно. Хочешь лезть на высоченное дерево или на скалы – лезь, только сначала научись обеспечить себе страховку. Однажды мои приятели нарушили правило купания под водопадом (искупались без обуви). Один из нас порезал себе пятки об острые края сланцевых пород. А в раны попали фрагменты тех самых сланцев. Пятки конечно воспалились. А.С. не ругалась. Она вообще очень редко ругалась. Когда было нужно, она умела пригвоздить к стенке одним метко брошенным словом. Вот и в этот раз, она молча достала медицинские инструменты подозвала меня и спросила: «Ты знал, что босиком в горную реку лезть нельзя? А раз знал, но не настоял на этом, виноват ты. А раз виноват, то сам и лечи. Вот тебе пинцет, скальпель, лекарства и пр., а я буду подсказывать…» Пришлось лечить и заодно, усвоить на всю оставшуюся жизнь слово «ответственность».

Водила она нас и через перевалы. Мы ходили с ней из Северной Осетии в Грузию и по Сванетии. Это было потрясающе интересно! Ее энциклопедические знания Кавказа поражали! А ведь это были еще и места маршрутов, открытых ею в довоенные годы. На базах, когда-то построенных ею, ее встречали как живую легенду.

А каким блестящим рассказчиком она была! Вечерами, когда в печке потрескивали поленья и мы, напившись чаю, расползались по спальным мешкам, начиналось самое интересное – ее рассказы или ее чтение книг. Сколько книг она нам перечитала! И сколько нужного и очень важного, успела сказать, показать и, многому очень важному научить.

Я рос и тоже очень быстро накапливал опыт. И мне. Как и отцу в туризме и альпинизме было позволено получать значительно больше, чем многим другим. Ее ученики уже учили и воспитывали меня. К семнадцати годам я уже был перворазрядником и мог руководить горными походами. Однажды, ее замечательные ученики, Мастера спорта: Ирина Ивановна Вайнштейн и Борис Иосифович Коновалов, строго сказали мне: «Андрей, ты получил в спорте и в жизни значительно больше, чем другие – пора отдавать…» А она помогла мне создать и подготовить свою первую группу к первому Кавказскому руководству. Номинально, руководителем пошла она, т.к. в семнадцать лет я еще не мог официально руководить дальними походами. И вот тут, в этом походе, я многое понял. Игнатенки живут дружно и очень любят друг друга. Но! Они не могут вместе руководить одним делом. Почему? Да потому, что они упрямы, экспрессивны и самодостаточны! Мы выдержали друг друга только половину похода и разругались вдрызг! И она, по моему настоянию, сошла с маршрута, оставив мне мою группу. Только много времени спустя, я осознал, каким усилием воли, она сумела заставить себя это сделать. Мы не разговаривали с ней четыре месяца. А в это время, она съездила к председателю

маршрутной комиссии А.И. Панову и рассказала что сошла с маршрута из-за конфликта со мной, но попросила зачесть мне это руководство, т.к. замечаний и претензий ко мне как руководителю, у нее нет. Но об этом я узнал много позже, уже после армии. Мы помирились и, вскоре забыли о ссоре. Я остался работать пионервожатым в родной школе, а она снова вернулась в родной ей, Московский городской туристский клуб на должность инструктора комиссии горного туризма. Работала в клубе она до восьмидесяти одного года. Поразительно, но ее всегда окружала молодежь. Ее друзья, часто были значительно моложе ее, и их было огромное количество. Она всегда была в эпицентре событий. Она всегда была кому-то нужна. Всегда и постоянно кому-то требовалась ее помощь, совет, участие, внимание и доброе слово. Мне иногда казалось, что она вся состоит из готовности помогать людям.

Я очень боюсь создать образ некоего идеального человека, которым она конечно не была. Она была разной. Как и у всех людей, у нее были самые разные черты характера. Была не чужда эпатажу. И она тоже могла ошибаться, быть не объективной и могла незаслуженно обидеть. Она умела быть очень жесткой по отношению к своим врагам. Она всегда говорила мне: «С врагом и противником нельзя ругаться. Чтобы победить, ты должен быть предельно сдержанным и идеально вежливым». И побеждала. При этом, она умела не только признавать свои ошибки, но и извиняться за них. Ей никогда не было зазорно извиниться даже перед ребенком. Помню, как-то в школе, она несправедливо наказала одного из очень трудных ребят. Когда ошибка выяснилась, она позвала завуча, вошла с ним в класс и при всех, принесла тринадцатилетнему мальчишке свои извинения. А какие разносы она умела делать! Она делала их тихим и вкрадчивым голосом, подбирая каждое слово, коротко, метко и, убийственно… Но дав разнос один раз, более не возвращалась к этой теме и не переносила на отношение к человеку. Она редко хвалила. А если и хвалила, то коротко и сдержано. И тем выше ценилась ее похвала. Вообще, самой главной ее чертой, было потрясающее мужество. Потерять в горах сына, привить любовь к горам внуку и по нескольку раз в году отпускать его в те самые горы и ждать его. Сколько мужества требуется человеку для этого?

Свой последний горный поход она совершила вместе со своим старым другом Львом Александровичем Зенякиным и бывшим учеником Игорем Мамоновым. Это было путешествие по Дигории в 1982 году. Поход получился не очень удачным. Все же возраст и Льва Александровича, и ее, дал о себе знать. Пройти намеченный перевал полностью, у них не получилось. Но ведь мало кто еще, мог бы похвастаться возможностью подъема с рюкзаками на высоту 3000 метров, по горным топам, осыпям и леднику, в возрасте 76 лет…

На пенсию она ушла совершенно неожиданно для всех в возрасте 82-х лет. В тот день я заехал к ней вечером. За чаем, она совершенно спокойно сообщила, что ушла на пенсию. Я вопросительно вытаращил глаза… «Ты же знаешь,» - сказала она: «я никогда не пользовалась записной книжкой. Я помнила все телефоны своих друзей и знакомых наизусть. А вчера я

обнаружила, что забыла несколько телефонов. Это старость. И уйти от нее еще никому не удавалось. Я не могу себе позволить запомниться моим друзьям и ученикам старой маразматичкой и хочу остаться в их памяти сильной, умной и молодой. Я переезжаю на Кавказ, в Грузию, поближе к могиле Сергея. А вы, кому я нужна, будете ко мне приезжать.»

Она и раньше говорила об этом решении. И я понял, что оно созрело окончательно, и спорить с ней было бесполезно. Ее огромное самолюбие не могло позволить ей оказаться слабой и беспомощной перед друзьями и близкими. Она переехала.

Я несколько раз приводил к ней на поляну своих учеников. Как же она была этому рада и счастлива! Она преображалась и молодела на глазах. Ведь перед нею были ее туристские правнуки! Она провожала нас в тренировочные маршруты, с нетерпением ждала и радостно встречала со своими неизменными замечательными пирогами. Я же не переставал удивляться тому, на сколько она умела быть им интересной. Насколько просто, легко и ненавязчиво она умела находить общий язык с тринадцатилетними подростками. Однажды она неожиданно поразила и сразила нас всех: Как-то она разговорилась с моей заместительницей – учителем французского языка школы-интерната, в котором был мой клуб.

- «Наташа, - спросила она, а что Вы преподаете?»

- «Французский язык» - ответила та.

- «Да-а? Так это же прекрасно!» ответила А.С. и перешла на замечательный французский. Наталья оторопела и запинаясь, стала отвечать. А.С. стала развивать беседу, но у Натальи явно не получалось… Все заворожено наблюдали за происходящим. Понимая, что авторитет учителя надо как-то спасать, А.С. снова перешла на русский и сказала: «Наташенька, у Вас хороший язык, но Ваш преподаватель, видимо был сильно зависим от прованского диалекта.»

Не обходилось и без курьезов: Как-то пред нашим выходом с поляны в тренировочный маршрут, когда все рюкзаки были уложены, я обнаружил «бесхозную миску». И это при том, что двое ребят умудрились забыть свои миски дома и теперь обходились отмытыми консервными баночками. А тут снова бесхозная миска! Ну, беру я миску и громко спрашиваю: «Чья миска?» Молчание. Повторяю снова: «Чья миска?» Молчание… Дальше по старой традиции: «Чья миска раз, чья миска два, чья миска, три!» И, за отсутствием владельца, предъявившего свои права, миска полетела в дальние колючие кусты… Через полминуты из домика вышла А.С. и негромко спросила: «Ребята, вы мою белую миску не видели...?» Ребята зажав рты и беззвучно подрагивая от скрываемого хохота, расползлись по кустам… А я молча полез в колючки на поиски миски. Отсмеявшись, и всячески показывая что они таки рады тому, что и на их начальника тоже есть управа, ребята молча присоединились к поиску. Миска, к счастью для меня, нашлась…

В последующие годы, она периодически приезжала в Москву. В основном, она подстраивала свой приезд к 17 марта – дню памяти (дню рождения) сына. На эту дату, каждый год, вот уже более пятидесяти лет,

собираются их друзья и ученики. Последний год она стала много болеть. В сентябре 91-го меня вызвали телеграммой ее Онские друзья. Я прилетел и обнаружил ее в очень плохом состоянии. Заставил принимать лекарства. Она стала быстро поправляться. Казалось, что один мой приезд сделал больше, чем все лекарства. Но лететь лечиться в Москву отказалась категорически. Через месяц меня снова вызвали. В этот раз она была уже в критическом состоянии. Местные врачи сделать уже ничего не могли. Мы, с уже моим бывшим учеником, перевезли ее в Москву. Но дорога оказалась слишком длительной и тяжелой. Двое суток ждали самолета в Кутаиси. Еще сутки сидели из-за погоды в аэропорту Борисполя в Киеве. В больницу к своему бывшему ученику – профессору Е.И.Жарову, она попала уже слишком поздно.

Бабушка Советского Горного Туризма, как ее называли в Федерации туризма страны, А.С., Александра Сергеевна Игнатенко, графиня Ламздорф – Галаган, завершила свой достойный и очень нелегкий жизненный путь в возрасте восьмидесяти пяти лет.

Она завещала похоронить ее на Кавказе, в могиле сына. Завещание было исполнено.

Осенью 2006 года мне позвонили ее друзья и ученики. Они решили собраться и отметить ее столетие. Наверное, это не мало, когда по прошествии полутора десятка лет после смерти человека, есть люди, желающие собраться и его вспомнить?

Сейчас, я завершаю это повествование, начатое по просьбе учеников Сергея и Александры Сергеевны Игнатенко. В этом году исполняется пятьдесят лет школе инструкторов, руководителем которой был Сергей.

Москва, 2013 г.